

В. В. Карлов

СОЦИАЛЬНАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ЕНИСЕИНСКИХ ЭВЕНКОВ В XVII—XVIII ВЕКАХ

Вопрос об исторической типологии этнических общностей выдвинулся в советской этнографии за последнее время на видное место как имеющий важное теоретическое значение. Советскими учеными разработаны общетеоретические положения о типах этнических связей на разных ступенях развития человеческого общества, в различных социально-экономических формациях. Конкретно же, применительно к многочисленным народам в тот или иной период их развития, этот вопрос не решен зачастую и до сих пор.

Настоящая статья только ставит вопрос о типах этносоциальных связей в среде эвенков енисейского бассейна в XVII—XVIII вв.

Советские этнографы уже касались этой проблемы. Так, Б. О. Долгих на основании архивных материалов установил родо-племенной состав народов Сибири XVII в.¹ По ходу исследования он остановился также на характеристике этносоциальных связей и различных форм социальной организации, в частности дал свое толкование терминов «род» и «племя» у народов Сибири, в том числе у эвенков.

Содержание термина «род» в документах XVII—XVIII вв. оказалось многозначным, на что обратил внимание еще Н. Н. Степанов². Проанализировав употребление этого термина в источниках, Б. О. Долгих выделил у народов Сибири, в том числе у эвенков, три основных типа родов. Это, во-первых, большие роды, насчитывающие десятки, а иногда и сотни трудоспособных мужчин, с характерными для данного народа родовыми названиями. Б. О. Долгих называет их фратриями позднейшего типа, образовавшимися путем отпочкования от большого отцовского рода дочерних родов при сохранении между ними тех или иных связей. Роды второго типа представляли собой подразделения внутри этого большого рода (фратрии). Такие роды включали в себя обычно 10—20 трудоспособных мужчин и назывались по имени лица, возглавлявшего данный род. Роды третьего типа по численности были равны родам второго типа, но отличались от них названиями, характерными для родов первого типа. Б. О. Долгих считает их старыми небольшими родами, которые не имели условий для превращения в роды-фратрии и существовали самостоятельно, наряду с последними. К этой же категории он относит и небольшие роды, образованные пришельцами или иноплеменниками. Кроме того, иногда родом назывались большие патриархальные семьи. Социально-экономической микроединицей общества была большая семья или подразделение большого рода.

Вопрос о существовании племен у эвенков оказался гораздо более сложным, так как ни источники, ни позднейшие этнографические наблю-

¹ Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в., «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. 55, М., 1960.

² Н. Н. Степанов, Социальный строй тунгусов в XVII веке, «Советский Север», т. III, Л., 1939, стр. 54.

дения не зафиксировали даже следов их племенной организации. Фактически Б. О. Долгих отказался от решения этой проблемы, отметив, что «в определенных условиях племенное самоуправление может распадаться и тогда высшей формой социальной организации остается род (фратрия)»³. Но отсутствие племени как социальной организации не означает, по его мнению, уничтожения племени как «определенной этнографической единицы». Несколько предполагаемых племен (причем племя рассматривается как особая территориальная и диалектная группа населения) выявлено им и среди енисейских тунгусов. На карте, являющейся итогом труда Б. О. Долгих, они выделены наряду с некоторыми большими родами-фратриями, которые не удалось сгруппировать в более крупные общности. Таким образом, основным типом этнической общности у эвенков этого времени Б. О. Долгих считает территориально-племенную группировку, не всегда достаточно четко интегрированную.

Выводы Б. О. Долгих интересны, но они влекут за собой немаловажный вопрос — каковы же те органические связи (формы общения)⁴, которые можно считать основополагающими при формировании упомянутых выше общностей у эвенков XVII—XVIII вв.? Если рассмотреть под таким углом зрения те же источники, а также сопоставить их с более поздними этнографическими и фольклорными материалами, то картина, нарисованная Б. О. Долгих, может быть несколько уточнена и дополнена. Как нам представляется, этно-социальную общность необходимо исследовать в трех аспектах: первый из них — это внутренние органические связи, или социальная система, оформляющая ее как общность; второй — это единство занимаемой территории в хозяйственном отношении; третий — это особый язык (диалект), как один из основных признаков той же общности.

Л. Г. Моргану принадлежит высказывание о том, что у ирокезов, где племя состоит из нескольких родов, все члены которых перемешались путем браков и говорят на одном диалекте, «посторонний глаз видит племя, но не род»⁵.

В свою очередь, Ф. Энгельс выделил ряд черт, характеризовавших отдельное племя в Америке (и параллельно у древних германцев): «Собственная территория и собственное имя. Каждое племя владело, кроме мест своего действительного поселения, еще значительной областью для охоты и рыбной ловли... Особый, лишь этому племени свойственный диалект. В действительности племя и диалект по существу совпадают...» и т. д.⁶ Все это верно не только в отношении народов, у которых племя существует в качестве отчетливо выраженной социальной организации с постоянным хорошо налаженным управлением. У многих народов племя как форма этнической общности исторически возникает раньше и исчезает позже племени в качестве социальной самоуправляющейся единицы. Племенная форма общности людей по признаку их этногенетического родства была весьма живучей и у народов Сибири. Русским казакам, которые впервые встретились с тунгусами в начале XVII в., бросились в глаза не роды, а какие-то иные формы их общности. По терминологии документов XVII в., они названы «землицами». Этот русский термин подчеркивал в первую очередь какую-то более или менее устойчивую территориальную общность. Иногда им обозначались лица разной родо-пле-

³ Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 10.

⁴ Классики марксизма-ленинизма выделяли как особые формы общения преемственность между поколениями, непосредственное материальное и прочее общение между людьми и объективные закономерности, которые складываются при этом независимо от сознания общающихся. В марксистской социологии термин «общение» (Verkehr) введен К. Марксом и Ф. Энгельсом. Подразумевалось под ним общение людей в процессе производства, которое служит основой всякого другого общения (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 19, 20).

⁵ Л. Г. Морган, Древнее общество, Л., 1934, стр. 61.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 92, 93 и сл.

менной принадлежности, говорящие на разных диалектах⁷. В документе, составленном в 1630 г. в г. Енисейске, — «Имяна землицам, которые живут по Лене реке конны и оленны», — перечислены 14 таких земель. Из них тринадцать носят тунгусские родовые (или, скорее, родо-племенные) названия, четырнадцатая земля — бурятская⁸. Известен целый ряд других документов, где также упомянуты различные тунгусские «земли»⁹. «Естественно сложившаяся племенная общность... есть первая предпосылка (сродство по крови, языку, нравам и т. д.) присвоения людьми объективных условий как их жизни, так и той деятельности, которой эта жизнь воспроизводится и облекается в предметные формы (деятельность как пастухов, охотников, земледельцев и т. д.)»¹⁰. Именно в силу этих причин племенная общность и была наиболее типичной формой этно-социальной группировки людей общинно-родовой эпохи: она совмещала в себе, с одной стороны, этническую общность, с другой — и это не менее важно — социальный организм. Последующее историческое развитие выдвинуло другие, более сложные, чем племенная, типы этнических общностей, равно как и другие типы социальных организмов.

Примечательно, что по мере упорядочения системы ясачного сбора термин «землица» навсегда исчезает из употребления. Только в конце XVIII и в XIX в. вместо «землиц» появляются ясачные «волости» и административные «роды». Во всех же документах об уплате ясака в XVII — первой половине XVIII в. фигурирует лишь один термин — «род». Поэтому неудивительно, что исследователи общественного строя эвенков XVII—XVIII вв. останавливали свое внимание преимущественно на «роде» как на наиболее четкой единице социальной организации.

Но чем же был эвенкийский род в XVII—XVIII вв.? О многозначности термина «род» в источниках уже говорилось выше. Распадение большого рода на ряд подразделений отмечает и Н. Н. Степанов, называя их «патриархальными группами»¹¹. На большом документальном материале он убедительно доказывает, что, будучи экономически и территориально самостоятельными, именно эти группы, численностью приблизительно от 8 до 40 мужчин-плательщиков ясака и были основными единицами ясачного обложения. Из их среды брались аманаты — заложники, и каждая группа платила ясак исключительно «под своего аманата», а не другого, даже если он был из того же большого рода. В отличие от Б. О. Долгих, Н. Н. Степанов считает выявленную им патриархальную группу основной хозяйственной ячейкой эвенков. Впрочем, по его мнению, указанная группа практически совпадала с большой патриархальной семьей¹². Б. О. Долгих хотя и различает эти две социальные единицы, все же признает, что иногда их трудно отличить одну от другой¹³.

Таким образом, распадение большого рода на ряд подразделений — достоверно установленный факт. Однако не ясны структуры самих этих подразделений и связь между ними. Не установлено также, что из себя представляла производственная единица эвенков в данную эпоху. Она не могла быть родовой общиной: большой род не был един территориально и экономически. Есть достаточные основания предполагать, что и его под

⁷ См. подробнее: Л. П. Лашук, В. И. Ленин о земляческих и национальных связях, «Сов. этнография», 1970, № 1.

⁸ Н. Н. Степанов, Заметки по исторической географии и этнографии Сибири, «Известия ВГО», 1949, № 3.

⁹ См. Н. Н. Оглоблин, Обзорные столбцы и книги Сибирского приказа (1592—1768), ч. III, М., 1900, стр. 239; С. В. Бахрушин, Научные труды, т. IV — Основание Красноярского острога, М., 1959, стр. 24.

¹⁰ К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, Политиздат при ЦК ВКП(б), 1940, стр. 5.

¹¹ Н. Н. Степанов, Социальный строй тунгусов в XVII веке, стр. 54, 55.

¹² Там же, стр. 61.

¹³ Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 9.

разделения — патриархальные группы — не обладали такими признаками. Как уже отмечалось, Б. О. Долгих считает экономической ячейкой большую семью, следовательно — большесемейную общину. Во всяком случае очевидно, что патриархальная группа — подразделение рода распадалась на какие-то составные части. Документы фиксируют проживание членов одной патриархальной группы — «однофамильцев» — на очень широкой территории, охватывавшей различные, порой далекие друг от друга ясачные зимовья. В эти части патриархальных групп входило разное число плательщиков ясака, но чаще два — три человека. Некоторые из них могли откочевывать самостоятельно на значительные расстояния. Поэтому ежегодные сборы ясака заставляли патриархальные группы в разном численном составе. Например, среди тунгусов-Маугиров (они же Шилягиры) Непского зимовья ясачные сборщики насчитали в 1639 г. 156 человек, разделенных на четыре «рода» (соответственно 39, 33, 59 и 25 взрослых мужчин). А в 1645 г. их оказалось уже 170 человек, состоявших в пяти «родах» (соответственно 58, 11, 50, 23 и 28 человек)¹⁴. Складывается впечатление, что перед нами те же самые патриархальные группы, члены которых не всегда находятся вместе в одном районе, а расходятся врозь по мере надобности более мелкими хозяйственными объединениями (максимально до 10—12 мужчин). Эти объединения, по всей вероятности, и представляли собой типичное эвенкийское стойбище, кочевую общину, известную по более поздним этнографическим наблюдениям.

Стойбище состояло обычно из двух — трех, но иногда и большего числа трудоспособных мужчин с их семьями: нередко это были отец с женатыми сыновьями и внуками; иногда сюда же входили холостые и женатые племянники и другие родственники. Первые, еще эпизодические, сборы ясака застают, по-видимому, именно отдельные стойбища. Так, мангазейские казаки, впервые встретившие тунгусов в 1614 г. в районе устья р. Нижней Тунгуски, взяли ясак с восьми таких групп: Тектя (4 чел.), Сентя (7 чел.), Когой (2 чел.), Лиргило (5 чел.), Кона (12 чел.), Горагили (9 чел.), Молчаги (3 чел.) и Елигин (1 чел.). В 1615 г. ясак был взят всего с пяти групп: Коной (6 чел.), Горагили (9 чел.), Когой (7 чел.), Сеепку (1 чел.) и Мопги (2 чел.)¹⁵. Итак, эти группы были немногочисленны. Названия их в одних случаях происходят от имен возглавлявшего их лица (Тектя, Сентя, Лиргило), в других — от родового имени (Горагир, Йолигир, Малгачагир), на что указывает суффикс — *гир*, несколько искаженный в записях.

Достаточных сведений о том, что община-стойбище была именно большой семьей, нет. Напротив, далеко не всегда отношения между малыми семьями, входившими в производственную общину, строились на строго патрилинейной основе, хотя счет родства у эвенков строго патрилинейный. Очень большое значение в системе общественных отношений эвенков имели связи между группами, обменивавшимися женщинами. Такие связи по свойству играли заметную роль в социальной системе многих классовых обществ. При распыленности групп разного происхождения на огромных площадях (о чем будет сказано ниже), тесные связи между семьями эвенков, состоявшими в отношениях свойства, были естественны и необходимы. Патриархальная группа родственников, живущих недалеко друг от друга, могла обмениваться женщинами с несколькими соседними группами. Об этом говорят и дошедшие до нас старые эвенкийские предания. Одно из них, например, повествует о том, как родственники легендарного бойца-сонинга Ховоко из рода Момочар обменивались женщинами с группой Пачаки из рода Момоль и с одной из групп

¹⁴ Б. О. Долгих, Указ. раб., стр. 167—171.

¹⁵ Там же, стр. 152. По мнению Б. О. Долгих, Коной — Когой — Котой — различные написания одного и того же рода «Хангай», Сентя и Сеепку — рода «Сентей», Мопги и Молчаги — рода «Малгачгир».

рода Нюрумняль. Сам Ховоко, странствуя, встречает стойбище, где совместно живут семьи из разных родов-свойственников¹⁶. Документы XVII в. отмечают случаи взаимопомощи родов-свойственников, например при защите от врагов¹⁷. По более поздним данным, совместное проживание, взаимопомощь, более или менее постоянное объединение в одну производственную общину нескольких семей-свойственников были в обычае у эвенков¹⁸. Это позволяет предполагать, что и в XVII—XVIII вв. кочевая община-стойбище нередко могла состоять из семей разных родственных групп, обменивавшихся женщинами. Внешне по своей структуре такое образование напоминало большую патриархальную семью, но, по-видимому, оно нередко представляло собой гетерогенную группу семей, объединенных вокруг какого-либо умелого охотника (а в случае необходимости — и сильного бойца-защитника). При этом такое объединение могло строиться на основе родственных связей как по линии отца, так и по линии матери и жены. На это указывает и эвенкийская терминология родства. В языке отдельных территориальных группировок енисейских эвенков зафиксировано несколько терминов, обозначающих различные степени родства: родство по материнской линии (юдёк), отцовской (ибдери, дялви, нядиль), свойству (ибдери, тунгур). Но единый для всех группировок четкий термин, который охватывал бы всех лиц одного кровного рода, выявить не удалось. В качестве такого термина переводчики записей текстов эвенкийских преданий предлагают слова «ибдери»¹⁹ и «дялви»²⁰. Но среди исследователей нет единого мнения о толковании этих терминов. Одни считают, что слово «ибдери» значит «кровные родственники»²¹, другие связывают его с обозначением свойственников. Г. М. Василевич переводит термин «дялви» как «кровные родственники», а А. Ф. Анисимов считает его обозначением родственных родов одной фратрии²², хотя его предположения о дуально-фратриальном устройстве эвенкийского общества не нашли поддержки у других исследователей. Б. О. Долгих замечает, что слово «дялви» обозначает разные роды, близкие по происхождению, но в обиходе это слово употребляется в значении товарищ, спутник, компаньон²³. Таким образом, приведенные термины довольно многозначны. Вместе с тем широкое значение этих наиболее употреблявшихся терминов как раз обрисовывает круг основных связей, признававшихся эвенками в качестве родственных и соседских.

Ясачные книги и другие источники характеризуют тунгусов как народ, промышлявший охотой и рыбной ловлей и постоянно кочевавший в поисках добычи. Оленеводство имело преимущественно транспортное значение.

С одной стороны, существовала необходимость постоянных передвижений, с другой — требовалось сезонное распределение рабочих рук по отраслям комплексного хозяйства. Все это позволяло сочетать одновременно охоту, рыболовство и оленеводство. Эти условия производства и делали довольно подвижную и непостоянную группу — стойбище основ-

¹⁶ «Исторический фольклор эвенков», М.—Л., 1966, стр. 284—289.

¹⁷ Н. Н. Степанов, Социальный строй тунгусов в XVII веке, стр. 62, 63.

¹⁸ Материалы экспедиций Кафедры этнографии МГУ в Эвенкийский национальный округ (далее — МЭКЭНО) 1966, 1968 и 1969 гг. (хранятся на Кафедре этнографии МГУ).

¹⁹ А. Ф. Анисимов, Родовое общество эвенков (тунгусов). Приложения, Л., 1936; Г. М. Василевич, Материалы по эвенкийскому (тунгусскому) фольклору, Л., 1936, стр. 96.

²⁰ «Исторический фольклор эвенков», Предания; см. также «Эвенкийско-русский словарь», М., 1958, стр. 105.

²¹ Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народностей севера Средней Сибири, канд. дис., М., 1946, стр. 290; А. Ф. Анисимов, Указ. раб., стр. 72, 122.

²² А. Ф. Анисимов, Указ. раб., стр. 108—110.

²³ Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народностей севера Средней Сибири, стр. 295.

ной производственной ячейкой общества. В основе такого производственного объединения лежала довольно «эластичная» форма связи между семьями, представлявшими широкий круг родственников, а возможно, уже и соседей. В качестве примера приведем известный текст из очерка И. Г. Георги о тунгусах XVIII в.: «Собравшись побольше людей в артель, странствуют по всем лесам обширных своих пустынь по большей части как особенные семьи, которые, когда встретятся случайно в своей округе с другими поколения своего семьями, остаются правда на несколько времени в соединении, однако ж вскоре, без дальних околичностей паки разлучаются, кочуют вместе с другими, и т. д.»²⁴. Вместе с тем ряд причин заставлял малые семьи, объединявшиеся в более или менее постоянные общины, поддерживать тесные взаимоотношения патронимического характера с другими родственными семьями, составлявшими совместно одну большую патриархальную группу родственников. Связи этого порядка были более прочны как связи кровного родства. Поэтому документами отчетливо зафиксирован именно этот социальный институт — патриархальная группа, т. е. подразделение большого рода. На круговую поруку такой группы родственников рассчитывала русская администрация, когда брала из ее среды аманата.

Необходимость широкой родственной взаимопомощи обуславливалась и характером производства, когда требовались усилия большего числа людей, чем могла выделить община-стойбище (охота на мясного зверя, ловля рыбы с запруживанием речек и т. д.). Эта взаимопомощь проявлялась и в случаях самообороны, о чем красноречиво повествуют предания эвенков²⁵, а также говорят документы и другие свидетельства XVII—XVIII вв.²⁶ Ярко проявлялась родственная взаимопомощь в заботе о сиротах, больных и увечных. Так, одна группа тунгусов Ессейской волости в 1768 г. состояла из тринадцати взрослых мужчин, которые образовывали с женщинами и детьми восемь семей, причем двое из глав этих семей были «увечны» и имели несовершеннолетних детей²⁷. Иначе говоря, шесть семей должны были взять на себя, хотя бы частично, заботу о двух неспособных прокормить себя семьях. По сведениям источников, сироты всегда записывались в семью родственников. Это подтверждается тем, что и позднее (судя по этнографическим данным) сироты у эвенков всегда могли рассчитывать на помощь родственников как с отцовской, так и с материнской стороны.

Внутри патриархальных групп не было строгой иерархии, и существовало определенное равенство между составлявшими их частями.

Под многими «подписками», т. е. обязательствами уплатить ясак, различных групп мангазейских тунгусов стоит по несколько «знамен» — подписей «старшин», как их называет документ ясачной комиссии 1767—1768 гг.²⁸ В одном месте документа после записи об установлении ясачного оклада на группу «Чапогирской волости состоящих особым улусом Панкагирского роду чапогирских тунгусов» (группа насчитывала 36 мужчин старше 18 лет) даже сделана специальная пометка: «Но только оно-го окладу ныне точно утвердить неможно в разсуждении что на оное число ясака дано обязательство от одного только старшины их Тимриги без согласия других». С целью подтверждения этой «подписки» остальными Панкагирами был специально послан дворянин П. Троицкий, который и добился согласия их второго «старшины» Сунтачи Чемрогова²⁹. Число таких «старшин» могло достигать пяти на 39 взрослых мужчин (Кун-

²⁴ И. Г. Георги, Описание всех в Российском государстве обитающих народов, ч. III, СПб., 1799, стр. 42.

²⁵ «Исторический фольклор эвенков». Предания, № 1, 4, 5, 9, 11, 12 и др.

²⁶ См., например, Г. Ф. Миллер, История Сибири, т. 2, М.—Л., 1941, стр. 46.

²⁷ Центральный гос. архив древних актов (далее ЦГАДА), ф. 214, оп. 1, ч. 5, кн. 1648, лл. 4 об.—6.

²⁸ ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 5, кн. 1648, л. 127, 139—165.

²⁹ Там же, л. 58 об.

догиры), или даже семи на 23 взрослых мужчины («Чивчигирский или Чимжалский род» Чапогирской волости)³⁰. Бросается в глаза молодость эвенкийских «старшин» всех мангазейских волостей: большинство их было в возрасте от 25 до 40 лет, т. е. в расцвете лет. Это подтверждает выказанное выше предположение о том, что эвенкийская община формировалась из группы семей, объединенных вокруг какого-нибудь наиболее способного охотника, который и выступал как «старшина» общины перед русской администрацией. В такой общине не всегда преобладали родственные связи по отцовской линии. Об этом свидетельствует отрывок из мангазейской ясачной книги 1634 г.: «И будет аманат добр, и за того платят его род ясак, с иных родов збирают, а будет аманат худ, и за того де аманата и его не вся родня платит»³¹. Иными словами, вокруг «доброего» аманата, несомненно, хорошего охотника и уважаемого в округе человека, объединялись не только члены его «рода», но и других, соседних групп.

Источники XVII—XVIII вв. дают определенное представление о жизни патриархальной группы родственников, о связях между отдельными частями этой группы, но значительно хуже освещают отношения между самими патриархальными группами, составлявшими большой род. Это и понятно — царский фискальный аппарат имел дело именно с патриархальной группой, а не с большим родом. Анализ источников приводит к мысли, что связи между подразделениями большого рода, т. е. составлявшими его патриархальными группами, были в основном связями территориально-соседскими. Правда, внешне они оформлялись как связи родственные: генеалогически несколько патриархальных групп составляли один род, имевший общее родовое название. Но только лишь генеалогически: никаких реальных родственных связей между частями рода не было. Именно поэтому русские, отметившие в начале XVII в. у тунгусов ряд «землиц», носивших типичные названия больших генеалогических родов (Налягир, Сычогир, Шилигир и др.), позднее не зафиксировали больших родов в ясачных документах.

По мнению Н. Н. Степанова, патриархальные группы XVII в. были безусловно связаны с родом территорий, которую он занимал как собственную, охраняя ее от посягательств соседей. Однако эвенкийские группы — подразделения рода были очень подвижны и перемещались порой на громадные расстояния. Ясачные записи в течение всего XVII в. фиксируют многие из них в удаленных друг от друга зимовьях, где они были перемешаны с группами других родов. Сравнивая документы об уплате ясака в различных зимовьях, нетрудно заметить, что группы одного и того же названия встречаются на очень обширной территории³². Так, Нюрумняли отмечены ясачными книгами почти во всех районах, исключая лишь зимовья на Енисее и Турыжское зимовье на Н. Тунгуске. Горagriры отмечены во всех зимовьях нижнего и среднего течения Н. Тунгуски, вплоть до Титейского зимовья в верхней части реки. Там же зафиксированы и Малгачагиры, переместившиеся в середине столетия на север, к оз. Ессей. В довольно обширном районе были отмечены Сентеи и Елигиры. Во всех зимовьях верхней части течения Н. Тунгуски встречались группы Кондогиров, Чапогиров, заходили они и в бассейн П. Тунгуски (на р. Чуня).

Число плательщиков ясака во всех этих группах свидетельствует о постоянной текучести состава различных групп на данной территории, об их большой подвижности. Перемещения эти совершались именно группами, а не целым родом. Число плательщиков ясака в таких группах коле-

³⁰ ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 5, кн. 1648, лл. 51—54 и 59—64 об.

³¹ С. В. Бахрушин, Научные труды, т. III, ч. 2, Ясак в Сибири в XVII веке, М., 1955, стр. 70.

³² См. Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке, стр. 152—180.

балось в основном в пределах от 5—7 до 30—40 человек. В целом все эти факты свидетельствуют о том, что генеалогический род эвенков не имел своей твердо установленной территории, за пределы которой не могли бы выходить составлявшие его патронимические группы. При этом группы данного рода, оказавшиеся на окраинах своего хозяйственного ареала, жили попеременно с группами других родов.

Патриархальные группы, населявшие один ареал, при разрастании делились на части, расходились. Структура патриархальной группы — относительное равенство и самостоятельность составлявших ее общин — подвижность последних — была приспособлена к простому процессу деления, который происходил, как только численность патриархальной группы превышала максимальный уровень (30—40 взрослых мужчин). Не всегда разделившиеся группы оставались в одном ареале. Так, источник зафиксировал разделение на две части родственной группы Шэвокигиров, которые примыкали к Чапогирско-Панкагирской ясачной «волости»³³. Одна часть осталась с Чапогирами, другая же перешла в Илимпейскую волость, где впоследствии смешалась с местными группами.

Исследователи давно отметили легкость, с которой образовывались новые родовые подразделения у эвенков. Это относится в первую очередь именно к процессу дробления разросшихся патриархальных групп. Смена старой группы новыми могла происходить в течение столетия, за 3—4 поколения. В силу этого обстоятельства многие из известных наименований XVII—XVIII вв., даже имевшие родовое окончание *гир*, не дожили до XX в. (например, Сентеи, Шовалнагир, Белдагир, Волкагир, Черповский род и др.). Но этого не случилось с именами наиболее крупных генеалогических родов, как Баягир, Кундогир, Чапогир, которые известны с XVII в. до наших дней. Однако общее родовое имя воспринималось его носителями не как безусловный признак кровного родства, со всеми вытекающими из этого обязанностями для членов рода, а скорее как соседство, связь по совместному проживанию. Нередко это имя бытовало лишь среди окружающего населения. Например, всех эвенков, живущих в районе Ербогачёна, соседи до сих пор называют Кундогирами, хотя они состоят из нескольких экзогамных родов (в их число входит и собственно род Кундогир), каждый из представителей которых относит себя лишь к своему роду, а не к Кундогирам.

Все же в сознании населения связи между разными патронимическими группами фактических родственников нередко облекались в форму родственных. Поэтому большой род и был родом только генеалогическим, а не социально консолидированным кровным родом. Конечно, большинство его подразделений имело общее происхождение, но в нем было много и адоптированных групп. Последнее обстоятельство, а также отсутствие четких границ у большого рода послужили причиной того, что многочисленные эвенкийские генеалогии, записанные от разных лиц в одном и том же районе на Подкаменной Тунгуске в 1920-1930-х годах тремя исследователями (А. Ф. Анисимов, Г. М. Василевич и Б. О. Долгих), не совпадают одна с другой.

По сведениям конца XIX — начала XX в., браки между представителями подразделений отдельных генеалогических родов были в порядке вещей³⁴. Однако отмечены они лишь внутри наиболее крупных из этих родов, распадавшихся на ряд ветвей, которые, в свою очередь, состояли из нескольких патронимий. Можно предполагать, что и в XVII—XVIII вв. внутри самых крупных родов, фактически разделившихся на новые ветви, допускались браки между представителями этих ветвей, и многие группы одного ареала состояли между собой в отношениях свойства. Не обла-

³³ ЦГАДА, ф. 214, оп. 1, ч. 5, кн. 1648, лл. 58 и 98, 99.

³⁴ См. Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народностей севера Средней Сибири, стр. 319, 320; МЭКЭЭНО, 1968—1969.

дали такие территориальные объединения родов и их частей и эндогамией — браки между представителями родов из разных районов были обычны. Таким образом, браки между членами групп одного ареала и вне его были одинаково распространены.

В этих условиях у населения едва ли могло сложиться четкое представление о своих «собственных» и соседних, «чужих», более или менее крупных группировках и подразделениях, о «мы» и «не мы», «мы» и «они». Легче прослеживается, пожалуй, представление о «чужих» территориальных группах, чем о своих, т. е. у эвенков больше развилось понятие «не мы», чем понятие «мы». Это отразилось и в языке — в слове «тэго» (тыго, тэгэ), которое имеет очень широкое толкование. Этим словом эвенки называют и другой народ, и соседние территориальные группировки самих эвенков, но никогда не называют свою собственную родовую или территориальную группу. «Тэго» — это чужие, чужой народ³⁵. Например, эвенки, живущие на Подкаменной Тунгуске, могут назвать словом «тэго» эвенков, живущих в Ербогачёне. Но чаще слово «тэго» употребляется по отношению к другим народам, а не к эвенкам. Эвенков же называют, как правило, по территории, на которой они проживают: сол о г о н — живущие в верховьях реки; од и г о н — живущие в низовьях; д ы г о н — жители горных хребтов; н г е г а н — живущие у подножья гор; л е м т е с к и л ь — илимпийские эвенки; к е с м о л ь — кежемские, и т. д. В отношении же своей родственной или соседской группы у енисейских эвенков употребляется несколько наименований, но единый термин, который четко отражал бы понятие своего собственного рода, установить очень трудно.

Отношения между частями большого рода могли, впрочем, развиваться по-разному. Нередки были и столкновения между ними. Так, между эвенками Курейского и Непского зимовий в 1701—1702 гг. происходили ожесточенные стычки со «смертными убийствами»; часть рода Коненки выступила против другой части этого же рода, объединившейся с несколькими соседними родами (или их частями). Победу одержала первая, большая часть рода Коненки, а побежденные бежали в Илимский уезд. Впоследствии, по мнению Б. О. Долгих, первая группа присоединилась к Чапогирам (Куркогирам) на Подкаменной Тунгуске (по некоторым генеалогиям, на правах группы, адаптированной в большой «род»), где дала начало роду Момоль. Вторая же осталась с курейскими тунгусами. Ее потомки и сейчас имеют фамилию Коненкин³⁶. Подобных случаев перехода из одного ареала в другой с последующей адаптацией в чужой генеалогический «род» было немало.

Формы этнической общности у эвенков отразились и в системе их диалектов³⁷. В эвенкийском языке лингвисты выделяют три диалектные группы: ю ж н у ю, объединяющую секающие и шекающие диалекты; с е в е р н у ю, объединяющую хакающие диалекты, и в о с т о ч н у ю, объединяющую секающе-хакающие диалекты. По мнению Г. М. Василевич, эти диалекты восходят к трем древнеэвенкийским племенам³⁸. Однако их окончательное сложение произошло, вероятно, в сравнительно позднее время, ибо несмотря на довольно значительные фонетические различия всем им свойственно единство грамматических норм и близость

³⁵ МЭКЭЭНО, 1968—1969. Употребление слова «тэго» именно в таком смысле отметил также Б. О. Долгих («Родовой и племенной состав народностей севера Средней Сибири», стр. 290).

³⁶ Б. О. Долгих, Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке, стр. 169, 170.

³⁷ Нужно, однако, иметь в виду, что основные лингвистические материалы, которыми мы располагаем, относятся к XX в., поэтому пользоваться ими можно лишь с известными оговорками и учетом исторических перемещений эвенкийских групп с XVII по XX в.

³⁸ Г. М. Василевич, Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка, Л., 1948, стр. 10, 11.

основного словарного фонда. Енисейские эвенки говорят на двух основных диалектах: северном (хакающем) и южном (секающем). Граница между ними проходит по рекам Нижней Тунгуске и ее южному притоку Илимпее. Вероятно, это разделение связано с историей заселения эвенками Енисейского Севера, со сложившимися у них этнографическими регионами, внутри которых происходили хозяйственные контакты и наиболее тесное языковое общение. В составе северной диалектной группы выделяются илимпийский и ербогаченский диалекты, в составе южной — подкаменно-тунгусский и непский.

Но и эти диалекты, распространенные на значительной территории, не остались едиными: они также дали начало многим более-дробным локальным говорам. «Современный говор,— пишет Г. М. Василевич,— можно определить как язык группы эвенков, живущих на одной территории — части территории распространения своего диалекта и сохраняющих некоторые фонетические и морфологические особенности говора родовой группы, от которой они ведут свое происхождение,— особенно, которые не служат препятствием при общении с представителями других говоров своего же диалекта»³⁹. Эта особенность эвенкийских говоров для нас очень важна: она подтверждает, что территориальная общность, основанная на общем происхождении, обладала и некоторой языковой самостоятельностью. Однако эта самостоятельность была относительной из-за большой подвижности эвенкийских групп и постоянной текучести их состава. Это прослеживается и лингвистически: признаки одного и того же говора можно было встретить в разных территориальных группах, даже в разных диалектах. К началу XX в. эта текучесть состава и смешанность различных родственных групп в пределах одной территории еще больше возросли в силу ряда причин исторического и социально-экономического характера, исследование которых уже выходит за рамки статьи.

Итак, большие генеалогические «роды» у эвенков XVII—XVIII вв. представляли собой общности, лишь строившиеся по признаку генетического родства. Они уже давно не были классическими родами общинно-родовой эпохи. Эти «роды», далеко ушедшие от времен первобытности, распадалась на ряд подразделений — патронимических групп, расселившихся на очень большом пространстве и смешавшихся с подобными группами из других родов. Род объединял такие группы лишь чисто генеалогически. Распространенным явлением была адаптация родом неродственных групп. Пришлые патронимические группы после длительного совместного проживания с местными становились частью, ответвлением местного рода (пример — Баяки в составе рода Момоль, выделившиеся ранее из ангарских Кима). Таким образом, наиболее крупные генеалогические «роды» превратились в большие территориально-хозяйственные объединения, куда входили разделившиеся и смешавшиеся между собой группы общего происхождения (патронимии — части экзогамных родов) и адаптированные неродственные группы. Связи между этими группами не были прочными, это были связи по совместному проживанию в пределах данного ареала. Они могли легко нарушаться при естественных миграциях патронимических групп или их частей.

При низком уровне развития производительных сил именно структура генеалогического дерева была для эвенкийского общества наиболее приемлемой, как структура, где все связи облекались в форму родственных отношений, хотя на деле являлись территориально-соседскими. Поэтому и русские, впервые встретив эвенков, насчитали у них около двух десятков «землиц», которые в ясачных документах названы родовыми именами эвенков. Наиболее крупные генеалогические «роды», потеряв значение рода как социального организма, превратились в территориальные

³⁹ Г. М. Василевич, Указ. раб., стр. 10, 11.

объединения, цепочку отнюдь не замкнутых, а переходивших друг в друга систем, представлявших собою территориально-племенные образования без ярко выраженной интеграции племенного типа. Эти «землицы», даже если они в представлении русских или других соседних народов носили имя какого-либо конкретного рода, на деле состояли из разных экзогамных родов и их частей — отдельных патронимий. Таким образом, род у эвенков стал превращаться в иное по сущности образование. В то же время его подразделения, патронимические группы, еще обладали, как это хорошо показал Н. Н. Степанов, признаками устойчивого социального организма. Но несмотря на то, что такую группу родственников связывали и экономические интересы, основной хозяйственной ячейкой эвенкийского общества была не она, а кочевая производительная единица — стойбище. Она базировалась как на патрилинейных связях, так и на связях по свойству. При этом такая производственная ячейка не была, по-видимому, постоянным, раз и навсегда установившимся образованием: она могла временно распадаться, а потом вновь возникать в несколько измененном составе; однако эти образования формировались всегда лишь в определенном ограниченном кругу лиц: кровных родственников, родственников и соседей, — в совокупности составлявшем территориальную общину.

К. Маркс писал: «Чтобы община так таковая продолжала существовать на прежний лад, необходимо, чтобы воспроизводство ее членов происходило при заранее установленных объективных условиях. Само производство, рост населения (а он тоже относится к производству) неизбежно расшатывает мало-помалу эти условия, разрушает их вместо того, чтобы воспроизводить и т. д., и от этого общинный строй гибнет вместе с теми отношениями собственности, на которых он основан»⁴⁰.

Низкий уровень развития производительных сил, суровые условия Севера, которые ограничивали рост населения — все это послужило предпосылкой сохранения в течение длительного времени устойчивых и в то же время внутренние подвижных форм эвенкийской общины. Вместе с тем четкое представление о родовой принадлежности было утрачено, оно выражалось лишь в общем родовом имени. Наиболее тесными связями стали связи между довольно широким кругом родственников разного порядка — «ибдери» и «дядви». Это отражало реальные отношения между членами общины, которая постоянно воспроизводилась «при заранее установленных объективных условиях» производства и социального бытия. В данном случае перед нами один из примеров перехода от кровнородственной общины к территориально-соседской.

Исторический тип этнической общности эвенков Енисейско-Ленского междуречья, каким мы его видим по различным данным XVII—XVIII вв., также характеризуется чертами переходности. Четкие и стабильные границы племени, даже как территориально-диалектной общности, сложившейся на основе разросшихся старых родов, установить нелегко. Таких четко очерченных границ у енисейских эвенков и не было. Их территориальные объединения были не замкнутыми, а «открытыми»; отдельные группы по мере необходимости могли объединяться или делиться. В целом эвенки представляли собой этно-лингвистическую общность, имевшую уже, быть может, некоторые зачаточные тенденции к образованию ряда территориальных — «земляческих» группировок.

Следует отметить, что и ранее некоторые исследователи предполагали возможным такое переходное состояние социально-этнических связей у ряда народов Сибири XVII—XVIII вв.⁴¹ Тем не менее этот вопрос почему-то не привлек к себе достаточного внимания и не получил должного конкретно-исторического освещения.

⁴⁰ К. Маркс, *Формы, предшествующие капиталистическому производству*, стр. 18.

⁴¹ См. Б. О. Долгих, М. Г. Левин, *Переход от родо-племенных связей к территориальным в истории народов Северной Сибири*, «Труды Ин-та этнографии АН СССР», нов. серия, т. XIV, М., 1951.

* * *

В настоящей статье умышленно не были затронуты вопросы о зачатках имущественной и социальной дифференциации в рамках родственных и территориально-соседских образований эвенков XVII—XVIII вв., о различных формах зависимости, и некоторые другие проблемы, вызывавшие много споров и поэтому требующие привлечения дополнительных материалов. Автор надеется в будущем специально рассмотреть эти вопросы.

THE SOCIAL AND ETHNIC STRUCTURE AMONG THE YENISSEI EVENKS IN THE XVII—XVIII CENTURIES

An attempt is made to analyse the evolution of social and ethnic links in the transition period from tribal to class society as exemplified by the Yenissei River Evenks of the XVII—XVIII centuries. The structure of Evenk society at that time was complex: outwardly all links between the various structural elements (the extended gens and its subdivisions — patronymical kinship groups) took the shape of kinship relations and were built upon the plan of a genealogical tree; but in actual fact they were already becoming transformed into relations of a territorial character. The main production unit — the nomadic community (*stoibishtsche*) was not permanent in its membership; it might disintegrate and arise again with other members but always within a certain circle — blood relations and relations by marriage, and possibly neighbours. Extended genealogical gentes had become territorial-economic units, not closed but open ones permitting intermingling between parts of neighbouring gentes.
